

Политический анализ

Белов С.И.

Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, Музей Победы, Москва, РФ.
E-mail: belov2006s@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: [4508-0402](#)

Аннотация

Представленная статья посвящена теме гибели советского политического мифа и роли его символического и содержательного наследия в формировании национально-государственной идентичности россиян. Целью исследования является определение места и перспектив элементов советской политической символики и мифологии в качестве основы выстраивания национально-государственной идентичности граждан России. Политический миф интерпретируется как упрощенная и во многом иррациональная, основанная на избирательном подходе к фактам форма восприятия действительности. Формирование политического мифа происходит посредством использования техник внушения, эмоционального заражения и подражания. Процесс разрушения политического мифа обуславливается воздействием трех факторов: структурных изменений социально-политической действительности, появления противоречий внутри мифа и трансформации целевой аудитории. Причиной гибели советского мифа стало сочетание перехода аграрного общества к индустриальному, имиджевого урона в результате десталинизации и формирования в СССР массового среднего класса. Несмотря на уничтожение советского политического мифа, его символическое наследие сохранилось и остается востребованным в российском обществе. В результате национально-государственная идентичность россиян воспроизводится в значительной степени именно на базе символического и содержательного наследия уже погибшего советского политического мифа. У этого ресурса имеются ограничения в использовании: уже через 20 лет можно ожидать, что естественное воспроизводство исторической памяти о ключевом достижении советской эпохи — победе над нацистской Германией — прекратится. Последнее ставит перед политическими элитами задачу в среднесрочной перспективе обеспечить наполнение национально-государственной идентичности новым символическим содержанием.

Ключевые слова

Политический миф, политический символ, политика памяти, советская символика, историческая память.

Несмотря на то, что с момента распада СССР прошло почти 25 лет, советский миф продолжает играть огромное значение в общественно-политической жизни России. В первую очередь это проявляется в распространенности советской символики. Ю.А. Гагарин, И.В. Сталин и В.И. Ленин продолжают существовать в качестве базовых символов российской культуры, элементы советского образа жизни активно используются не только в политической, но и в коммерческой рекламе. Одним из главных праздников, формирующих национально-гражданскую идентичность россиян, по-прежнему является День Победы. В ходе всенародного голосования «Имя России» первое место едва не досталось «отцу народов».

Особенно следует выделить, что наследие советского политического мифа продолжает культивироваться в России на фоне едва ли не тотальной зачистки культурного пространства от артефактов «коммунистического прошлого» в большинстве бывших стран соцлагеря. Не препятствует сохранению символического наследия и достаточно высокая враждебность официального и официозного дискурсов в отношении конструирования исторической памяти. Во многих современных кинопроизведениях, посвященных событиям Великой Отечественной войны, в роли главных антагонистов выступают не «нацистские оккупанты», а «вероломные особисты» и в целом сотрудники НКВД (примером в данном отношении могут служить картины «Утомленные солнцем-2» и «Служу Советскому Союзу», а также сериалы «Последний бой майора Пугачева» и «Штрафбат»). В школьную программу включены произведения А.И. Солженицына, прочтение которых оставляет не самые позитивные впечатления о советской эпохе. Однако пиетет по отношению к данному периоду все равно остается. Показательно, что такое отношение присуще не только людям старшего возраста, успевшим пожить в советском обществе. В качестве подтверждения можно привести ролики блогера Евгения Баженова, посвященные фильмам о советской эпохе («Утомленные солнцем-2», «Легенда № 17» и пр.), и реакцию на них русскоязычной аудитории видеохостинга *Youtube*, в которой доминирует молодежь.

Исследователи не раз обращались к данной теме, однако она так и не получила в рамках их работ статуса самостоятельного предмета изысканий: ее изучение проходило либо в контексте более общих вопросов, либо в границах смежных тем. В частности, проблема получила освещение на страницах работ, посвященных теме формирования национально-гражданской идентичности (В.А. Ачкасов, Т.В. Евгеньева, В.В. Титов, А.В. Селезнева, О.В. Попова)¹. Существенный вклад в повышение степени изученности темы также внесли исследователи, работающие над изучением политической символики и мифологии, — О.Ю. Малинова, С.П. Поцелуев, К.Ф. Завершинский, Н.И. Шестов².

¹ Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106–123; Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134; Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Политика. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 2007. № 3. С. 83–91; Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 1. С. 143–157.

² Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28; Ее же. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105;

Специфика сложившейся ситуации ставит экспертное сообщество перед вопросом: почему, несмотря на гибель советского политического мифа, его символическое и содержательное наследие продолжает играть столь значимую роль в формировании национально-гражданской идентичности россиян?

Ответить на него можно лишь путем решения комплекса взаимосвязанных задач: определения сущности политического мифа, установления причин распада советского мифа и выделения специфики его символического и содержательного наследия в рамках модели национально-гражданской идентичности россиян.

Методология представленного исследования включает в себя традиционный анализ, а также элементы ситуационного и дескриптивного анализа.

Политический миф представляет собой некое убеждение или верование, разделяемое большой группой людей, под воздействием которого события или действия обретают в глазах носителя особый смысл. Миф конструируется на основе упрощенной модели действительности, лишенной противоречий, удобной для усвоения человеком, не обладающим компетенциями, необходимыми для восприятия сложной информации. Ключевую роль в трансляции мифа играют такие формы воздействия на массовое сознание, как внушение, заражение и подражание (т. е. методы воздействия, апеллирующие не к разуму человека, а к сфере эмоций)³.

Данная особенность обуславливает принципиальную невосприимчивость политических мифов к эмпирической проверке и исправлению. Благодаря последнему политический миф приобретает черты когнитивной схемы, в рамках которой не соответствующие убеждению-догме наблюдения подсознательно отрицаются и подавляются⁴.

Причины возникновения мифов заключаются в сочетании двух факторов. С одной стороны, актуальные политические проблемы приводят массы в состояние тревожности,

Она же. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013; *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75; *Его же.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17–53; *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической памяти // Символическая политика: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 149–163; *Шестов Н.И.* Миф и политика // Российское общество политологов [Официальный сайт]. 25.10.2014. URL: <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html> (дата обращения: 24.03. 2016).

³ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 53.

⁴ *Рождественская Е.Ю.* Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2005. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 199.

создают ощущение отсутствия безопасности и неудовлетворенности⁵. При этом абсолютное большинство представителей широких слоев населения не обладает ни компетенциями, необходимыми для адекватной интерпретации происходящего, ни даже количеством времени, достаточным, чтобы воспринять картину происходящего в целом. Как результат, в обществе формируется запрос на контур познания, облегчающий восприятие реальности за счет упрощения и селекции фактов⁶.

С другой стороны, правящие элиты постоянно испытывают потребность в инструментах мобилизации населения и манипуляции им. Последнее, в свою очередь, создает заказ на выработку когнитивных схем, позволяющих легко нагнетать и канализировать общественные настроения⁷.

За счет этого сочетания факторов политический миф обретает амбивалентность. Данное свойство находит свое выражение в первую очередь в субъектности политического мифа. Его акторами всегда выступают и широкие слои населения, и истеблишмент. При этом необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда элита воспринимает миф сугубо прагматически: ее представители зачастую сами заражаются созданными для управления рядовыми гражданами убеждениями и верованиями⁸.

Помимо того, двойственность политического мифа проявляется в одновременном существовании данного явления в двух ипостасях: в виде «парада абстрактных символов», предназначенного для «верующих» масс и отдельных представителей истеблишмента, и в качестве деятельности хорошо организованных групп элит (преследующих собственные специфические интересы) по управлению массовыми коммуникациями⁹.

Обобщая сказанное выше, можно заключить, что политический миф представляет собой изначально искусственно конструируемую форму мировосприятия, основанную на обращении к сфере эмоций и направленную на мобилизацию общества и манипуляцию им. В то же время миф обладает свойством с течением времени обретать автономность, заражая собственных создателей. Присущее политическому мифу свойство упрощения действительности обуславливает прямую зависимость сроков существования мифа от стабильности проблемы-первоисточника, породившей потребность в создании новых убеждений, направленных на успокоение масс. Как только критическая масса кризисных

⁵ Ольшевский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. С. 28.

⁶ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С. 13, 24; Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. С. 93.

⁷ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический Проект, 2011. С. 53.

⁸ Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8. С. 87.

⁹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 41.

явлений нарастает до предельных размеров и присущие мифу примитивизация и селективность в восприятии действительности перестают работать, политическое «верование» умирает, после чего через некоторое время на смену ему приходит другая система убеждений, адекватная новым реалиям.

В большинстве случаев политический миф разрушается в результате масштабных изменений социально-политической действительности, когда предлагаемая обывателю модель интерпретации происходящего перестает удовлетворять своих потребителей. Однако объяснять гибель мифа только лишь изменением внешней конъюнктуры было бы по меньшей мере неверно. Политическая мифология США демонстрировала устойчивость и в период пребывания у власти президента-рабовладельца Джефферсона, и во времена сегрегации, и в момент, когда порог Белого дома перешагнул первый президент-афроамериканец¹⁰.

Гибель мифа связана в большинстве случаев с непродуманными действиями лиц, исполняющих функции его поддержания и ретрансляции. В изначально простую и гармоничную конструкцию, исходя из тактических соображений, начинают вносить изменения, которые порождают цепь противоречий, усложняют картину идеологемы¹¹. В результате в обществе возникает запрос на выработку новой упрощенной схемы объяснения действительности, а созданные ранее мифы начинают отторгаться по причине своей сложности. Помимо того, не следует забывать, что мифы в большинстве случаев рассчитаны на вполне определенную аудиторию, в силу чего их трансляция другим группам весьма затруднительна, а в некоторых случаях и невозможна¹². Привить политическую мифологию «третьего рейха» активистам «черных пантер»¹³ не мог бы даже истинный гений манипуляций с массовым сознанием. И равным образом радикальные формы негритюда¹⁴ не могли быть усвоены членами НСДАП.

Корни гибели любого политического мифа заключаются в единовременном сочетании трех факторов: полномасштабной смены внешней конъюнктуры, появления выраженных противоречий внутри идеологемы и трансформации целевой аудитории.

¹⁰ Слесарев А.А. Мифологическое мышление и образ жизни. Новые грани философского и социально-политического мышления. М.: Ладомир, 1994. С. 89.

¹¹ Евгеньева Т.В., Титов В.В. Указ. соч. С. 124.

¹² Титов В.В. Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.: Макс-Пресс, 2012. С. 75.

¹³ Радикальное политическое движение, объединявшее экстремистское крыло борцов за права афроамериканцев в 1960-х — 1970-х гг.

¹⁴ Учение, обосновывавшее самодостаточность, самооценку и общемировую значимость культуры, созданной представителями негроидной расы. Одна из основных разновидностей афроцентризма.

Гибель советского мифа¹⁵ в целом укладывается в рамки данной схемы. С одной стороны, к моменту начала размывания советской идеологии (во многом под влиянием угрозы в лице растущего авторитета СССР) был запущен процесс реформ внутри лагеря противников «красного колосса». Отмена сегрегации, создание *welfare state*, секуляризация сознания стран Запада, появление новых форм массовой культуры — все это привело к тому, что на смену монструозному миру капитала времен Мартина Идена пришел образ «цивилизованного мира» / «мирового сообщества», имевший большинство достоинств советской модели, но при этом лишенный ее недостатков. Таким образом, для советских идеологов стало гораздо сложнее выстраивать идентичность своих граждан на противопоставлении с «потенциальным противником», доказывая преимущества собственного строя перед общественно-политической моделью врага¹⁶.

С другой стороны, советский миф получил сокрушительный удар в виде развенчания «культы личности» И.В. Сталина на XX съезде КПСС. Правящая партия собственными устами обозначила период, в течение которого были достигнуты основные успехи советской власти (ликвидация неграмотности, индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, создание ядерного оружия, а также производственных и научных основ покорения космоса), как эпоху кровавого террора. Простым гражданам была предложена модель, объясняющая реальность по принципу «достижения благодаря партии и вопреки Сталину, поражения благодаря Сталину и вопреки партии». Однако столь сложная и противоречивая концепция изначально не имела ничего общего с мифом — по определению упрощенной моделью восприятия действительности. Впоследствии травмирующее воздействие XX съезда КПСС было закреплено появлением интеллектуальной продукции, доведшей послыл секретного доклада Н.С. Хрущева до логического завершения: первый том «Архипелага ГУЛАГ» был подобен первой горсти земли, брошенной на крышку гроба советского мифа¹⁷.

Наконец, радикальные изменения пережила сама целевая аудитория советской мифологии. Последняя изначально была рассчитана на крестьян и рабочих, для которых нормой жизни являлись 10-часовой рабочий день и массовая неграмотность. Выходцы из мира, в котором забастовка внутри России могла быть разогнана при помощи выстрелов, а

¹⁵ Под данным термином подразумевается система устойчивых представлений об СССР, присущая населению Советского Союза на протяжении периода его существования. Отдельные элементы этой картины действительности с течением времени претерпевали изменения, однако ее «ядро» оставалось устойчивым вплоть до начала «перестройки».

¹⁶ *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Указ. соч. С. 89.

¹⁷ *Рождественская Е.Ю.* Указ. соч. С. 201.

в странах Европы и Северной Америки — посредством дубинок и кастетов, они воспринимали предложенную большевиками мифологию в качестве квазирелигии и не сомневались в ее истинности. Однако за первые 30–40 лет своего существования советское руководство сумело добиться существенного прогресса в развитии общества, благодаря чему с середины 1950-х гг. в СССР начал формироваться массовый средний класс, т. е. социальный слой, которому ценности современного западного общества были куда ближе официальной идеологии своего государства. И в то же время политический истеблишмент Советского Союза не предпринял серьезных попыток реанимации или адаптации политической мифологии к новым реалиям (как было сделано в Китае после событий на площади Тяньаньмэнь)¹⁸.

Как следствие, сочетание трех указанных факторов привело к гибели советского мифа, похоронив также базировавшуюся на нем политическую конструкцию.

Рост популярности советской символики, фиксируемый в России приблизительно с начала второй половины 1990-х гг., обуславливается сочетанием двух факторов. С одной стороны, в период «перестройки» и первые годы существования независимой Российской Федерации была разрушена советская система ценностей, связанные с нею символы и ритуалы прошли через десакрализацию, а продуцируемая культурой СССР картина будущего перестала существовать. Как следствие, образовался своеобразный «вакуум идентичности». С другой стороны, никакой замены разрушенной модели самоидентификации обществу предложено не было. Было провозглашено возникновение новой идентичности «россияне», однако данное понятие было лишено какого-либо наполнения¹⁹. Некоторое время его подпитывали «перестроечные» традиции демократизма и вестернизации, однако по мере разочарования основной массы населения в соответствующих ценностях потенциал данного ресурса иссякал. Попытки же государства предпринять какие-либо меры по решению вопроса отличались крайней неэффективностью (показателен в данном случае пример восприятия населением празднования 12 июня)²⁰. В результате начались поиски вариантов идентификации

¹⁸ Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 296, 297.

¹⁹ Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В. Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2. С. 5.

²⁰ День России // Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады [Официальный сайт]. 10.06.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/10/den-rossii-7/> (дата обращения: 24.03.2016).

«снизу». При этом для большинства населения наиболее естественным оказался путь обращения к прежней, советской традиции²¹.

Причины подобного выбора достаточно понятны. Историческая память позволяет воспроизводить традицию и базирующуюся на ней идентичность без подключения дополнительных каналов коммуникации лишь в пределах 3–4 поколений²². Таким образом, в ходе поисков идентичности обращение к прошлому неизбежно приводило людей к советскому дискурсу.

В то же время вариант апелляции к будущему в качестве источника новой идентичности купировали два фактора. Во-первых, образ будущего (по крайней мере, оригинальный и оптимистический) в обществах экономически развитых стран фактически отсутствует: обывателю предлагается либо постапокалиптическая картина, либо технологически модернизированный вариант современности. Во-вторых, для политического мифа в принципе характерны как идеализация и сакрализация прошлого, так и слабый интерес к будущему. Последнее выступает скорее в виде воспроизводства «священной эпохи», только лишь с учетом произошедших изменений в развитии материальной сферы. Прекрасной иллюстрацией в данном отношении может служить политическая мифология современного радикального ислама²³.

Кроме того, рост популярности советской символики во многом является неосознанным ответом населения на неспособность политических элит решить ряд наиболее актуальных социально-экономических проблем, связанных с негативным развитием систем образования и здравоохранения, снижением уровня личной безопасности граждан и ростом числа межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В массовом сознании закрепилось четкое представление о том, что в Советском Союзе данных проблем либо не было, либо они решались значительно эффективней (что интересно, данные представления получили распространение и среди представителей постсоветских поколений). Как было отмечено Б.И. Додоновым, потребности человека и его эмоции всегда взаимосвязаны²⁴. Соответственно, неудовлетворенность ряда базовых потребностей общества канализировалась в виде

²¹ Титов В.В. Указ. соч. С. 89.

²² Евгеньева Т.В., Нечаев В.Д. Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 8.

²³ Бочаров В. Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996. С. 159.

²⁴ Додонов Б.И. Потребности, отношения и направленность личности // Вопросы психологии. 1973. № 1. С. 29.

симпатий к периоду прошлого, для которого, согласно стереотипным представлениям, было характерно успешное решение соответствующих проблем.

Важно также обратить внимание на то, что рост популярности советской символики, равно как и снижение эффективности антисоветского дискурса, не остались незамеченными представителями элит (чему в немалой степени способствовал коммерческий успех соответствующей продукции). Стремясь завоевать поддержку населения, политические партии и властные структуры вернулись первоначально к использованию сначала советской стилистики, а затем и отдельных фрагментов символики. В результате же активного применения советских брендов в сфере коммерческой и политической рекламы популярность символики еще более возросла²⁵.

Немалую роль в популяризации советских символов и образов сыграла тенденция к размежеванию в политическом и историческом дискурсе советского и условно «коммунистического», «большевистского». За счет этого антиобраз советской эпохи был минимизирован в глазах большинства россиян²⁶.

Можно заключить, что, несмотря на гибель советского политического мифа, его символическое наследие продолжает успешно существовать. Причина этого заключается в первую очередь в отсутствии действенной альтернативы. Последнее отчасти объясняется воздействием объективных факторов: последние 25 лет оказались достаточно бедны на события, способные выступить в качестве первоисточника общенациональных символов. Потенциально на эту роль способны претендовать победа на Олимпиаде в Сочи и возвращение Крыма в состав России, однако их общая значимость все же уступает фрагментам прошлого, цементирующим остатки идентичности россиян на текущий момент (Великая Отечественная война, победы в «космической гонке» и т. д.). Вероятнее всего, смена символического основания национальной модели самоопределения произойдет лишь естественным путем, по мере отдаления событий середины XX в. от принципиально важной границы в 60–80 лет (период последовательного вступления в самостоятельную жизнь 3–4 поколений, после которого историческая память перестает эффективно воспроизводиться естественным образом). Соответственно, существующая российская идентичность обладает «запасом прочности» ориентировочно на два ближайших десятилетия, после чего основы ее выстраивания так или иначе должны будут претерпеть значительные изменения. Наследие советского мифа по большей части уйдет в прошлое, что еще более актуализирует проведение масштабных реформ в области политики памяти.

²⁵ Титов В.В. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Там же.

Список литературы:

1. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 106–123.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
3. *Бойков В.Э.* Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. № 8. С. 85–89.
4. *Бочаров В.* Власть и время в культуре общества // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М.: Институт Африки РАН, 1996.
5. День России // Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады [Официальный сайт]. 10.06.2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/10/den-rossii-7/> (дата обращения: 24.03.2016).
6. *Додонов Б.И.* Потребности, отношения и направленность личности // Вопросы психологии. 1973. № 1. С. 28–38.
7. *Евгеньева Т.В., Нечаев В.Д.* Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы. 2014. № 1. С. 7–21.
8. *Евгеньева Т.В., Регнацкий В.В.* Формирование национально-государственной идентичности московских школьников // Ценности и смыслы. 2015. № 2. С. 5–15.
9. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Политика. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр». 2007. № 3. С. 83–91.
10. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
11. *Завершинский К.Ф.* Символические структуры политической памяти // Символическая политика: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 149–163.
12. *Зубкова Е., Куприянов А.* Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 296–325.
13. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

14. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.
15. *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.
16. *Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009.
17. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
18. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
19. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб.: Питер, 2002.
20. *Попова О.В.* Особенности политической идентичности в России и странах Европы // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 1. С. 143–157.
21. *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62–75.
22. *Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: Сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. С. 17–53.
23. *Рождественская Е.Ю.* Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2005. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 198–213.
24. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. М.: Академический Проект, 2011.
25. *Слесарев А.А.* Мифологическое мышление и образ жизни. Новые грани философского и социально-политического мышления. М.: Ладомир, 1994.
26. *Титов В.В.* Национально-государственная идентичность российской молодежи в начале XXI века. М.: Макс-Пресс, 2012.
27. *Шестов Н.И.* Миф и политика // Российское общество политологов [Официальный сайт]. 25.10.2014. URL: <http://rospolitics.ru/234-nikolay-shestov-mif-i-politika.html> (дата обращения: 24.03. 2016).

Belov S. I.

Soviet Political Myth: The Causes of Death and the Symbolic Heritage

Sergey I. Belov — Ph.D., Museum of Victory, Moscow, Russian Federation.
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the death of the Soviet political myth and the role of its symbolic heritage in the formation of the national-state identity of Russians. The aim of the study is to determine the place and prospects of elements of Soviet political symbols and mythology as the basis for building the national-state identity of Russian citizens. The political myth is interpreted as a simplified and in many ways irrational, based on a selective approach to facts, form of perception of reality. The formation of a political myth occurs through the use of techniques of suggestion, emotional infection and imitation. The process of destruction of the political myth is determined by the influence of three factors: structural changes in the socio-political reality, the emergence of contradictions within the myth and the transformation of the target audience. The reason for the death of the Soviet myth was a combination of the transition of the agrarian society to industrial, image damage as a result of destalinization and the formation of a mass middle class in the USSR. Despite the destruction of the Soviet political myth, its symbolic heritage has remained and remains in demand in Russian society, mainly due to the fact that Russians are not offered a competitive alternative which includes an attractive image of the future. In addition, the popularity of Soviet political symbols is facilitated by the fact that historical memory naturally preserves in itself mainly events that are separated from the present moment by a period of 3 to 4 generations. As a result, the national-state identity of Russians is largely reproduced on the basis of the symbolic legacy of the already lost Soviet political myth. This resource has limitations: in 20 years one can expect the cessation of the natural reproduction of historical memory of the key achievement of the Soviet era — the victory over Nazi Germany. The latter sets before the political elites the task of ensuring that the national-state identity is filled with a new symbolic content, which, at the same time, should not contradict the elements already included in it.

Keywords

Political myth, political symbol, politics of memory, Soviet symbolism, historical memory.